

Е. В. Путилова

Образ Наполеона Бонапарта в британской и американской историографической традиции XIX в.

Анализируется формирование образа Наполеона Бонапарта в британской и американской историографических традициях в XIX в. Автор подчеркивает, что если для англичан Бонапарт весь этот период оставался «злым гением» эпохи, антагонистом, символом хаоса революции и войны, то американцы предпочитали уподоблять «деспота» античному герою и «богу Олимпа», снисходительно относясь к его слабостям и недостаткам и признавая в нем прежде всего величайшего полководца и административного деятеля.

Ключевые слова: Наполеон Бонапарт; Наполеоновские войны; британская и американская историографические традиции; Вальтер Скотт.

В свое время британский историк Томас Карлейль провозгласил, что всемирная история «есть история великих людей». До известной степени это утверждение можно оспорить. Однако нельзя отрицать того факта, что специфика человеческой памяти предполагает скорее лучшее запоминание образов исторических личностей, нежели дат и названий мест тех или иных событий, вошедших в анналы истории. И в особенности это правило действует для переломных эпох, когда те или иные вещи заставляют человечество свернуть с проторенного пути, найти иной вектор исторического развития.

Одной из таких эпох можно считать период конца XVIII — начала и первых десятилетий XIX в., время, богатое на события, когда произошло кардинальное смещение геополитических и социальных направленностей развития Европы. И в сознании миллионов людей эта эпоха неразрывно и естественно связана с именем Наполеона Бонапарта.

Поэтому неудивительно, что в течение вот уже более двухсот лет образ этого государственного и военного деятеля вызывает неподдельный интерес у многочисленных исследователей. И если можно с уверенностью сказать, что каждая страна — участница масштабного конфликта в Европе начала XIX в. имеет свой национальный историографический пласт, посвященный истории Наполеоновских войн, то несомненно и то, что трактовка образа Наполеона Бонапарта занимает далеко не последнее место внутри этого историописательного конструкта.

Однако на фоне множества историографических традиций особенно выделяется англосаксонская, прежде всего тем, что на данный момент она представляет собой симбиоз двух историографий — британской и американской, каждая из которых обладает собственной спецификой, обусловленной изначально различным национальным восприятием эпохи Наполеоновских войн.

Так, для англичан данный период — важнейшая часть их исторической памяти и исторического сознания, сформировавшаяся под давлением факта упорной борьбы Великобритании против бонапартистской Франции в начале XIX в.

Американцы же, в отличие от британцев, в Наполеоновских войнах были скорее наблюдателями в силу своей отдаленности от Европы. Подобный фактор автоматически исключал США из числа непосредственных и активных участников континентальной войны, делал ее периферией, удаленной от театра военных действий. Однако и США в конечном счете не остались в стороне от европейского конфликта, отголоском которого стала англо-американская война 1812 г.

И если в XXI в. для англосаксонской традиции характерен некий цельный, монолитный, во многом выводимый за грани категорий добра и зла образ Наполеона Бонапарта, то в пределах XIX в. этот же образ по-разному воплощается в рамках только начавших формироваться национальных традиций с различным историко-ситуационным фундаментом. Далее мы более подробно рассмотрим этот феномен на примере исторических трудов британских и американских исследователей.

Основоположником британской традиции изучения Наполеоновских войн стал сэр В. Скотт, автор девятитомника «Жизнь Наполеона Бонапарта»¹, вышедшего в 1827 г. и впоследствии неоднократно переиздававшегося. К работе исследователя Скотт отнесся добросовестно, пополнив свой труд сведениями, полученными не только через переписку с военными и политическими деятелями того времени, но и благодаря научной командировке в Лондон в октябре 1826 г., где правительство предоставило ему свободный доступ к архивам, относящимся к событиям пребывания Наполеона на острове Святой Елены. Кроме того, в том же месяце он предпринял еще и поездку в Париж, чтобы непосредственно побеседовать с бывшими «коллегами», политическими противниками и родственниками Бонапарта. Стоит отметить, что среди влиятельных корреспондентов В. Скотта были представители английского и французского правительств, а сведения и материалы о русской кампании 1812 г. были переданы ему герцогом Веллингтоном².

В течение всего повествования Скотт старается выдерживать беспристрастный и объективный тон, отдавая дань уважения Бонапарту как военному гению и талантливому администратору, чьим наследием во Франции стала эффективная национальная система образования, значительное улучшение коммуникаций и дорог, а также гражданский кодекс. Скотт отказывается от идеи изображения Наполеона кровавым деспотом, каковым он предстал в парламентских речах многих тори, отмечает его щедрость и гуманность даже по отношению к своим противникам, его подлинную любовь к французскому народу. Но одновременно с этим писатель порицает Бонапарта за властные манеры, непомерные амбиции и эгоистическое самоослепление, которые в результате привели его к поражению в русских снегах и дальнейшему падению.

В исследовании В. Скотта есть и еще один интересный момент — эволюция взгляда автора на героя. Так, если в первых

¹ *Scott W.* The Life of Napoleon Buonaparte, Emperor of the French. With a Preliminary View of the French Revolution : 9 Vol. Edinburgh, 1827.

² The life of Napoleon Bonaparte [Electronic resource]. URL: <http://www.walterscott.lib.ed.ac.uk/works/prose/napoleon.html#top>.

двух томах Наполеон для Скотта «фигура несомненно великая, хотя человек далеко не хороший и уж подавно не лучший монарх», то в дальнейшем его тон смягчается, и он уже не считает, что «небо послало революцию и Бонапарта за грехи Франции и Европы». Однако, в общем и целом, данный труд написан с консервативных позиций — осуждаются вожди французской революции, восхваляется реставрация Бурбонов, а Наполеон на фоне первых выглядит как «меньшее из зол».

Однако, как ни странно, подобный взгляд на фигуру Наполеона Бонапарта был холодно принят по обе стороны канала по диаметрально противоположным причинам. Так, в Британии Скотт подвергся активной критике со стороны тори, которые считали, что тот «перебрал в комплиментах» и с недопустимым подобо-страстием подошел к оценке личности Бонапарта. Вторил им и сэр Х. Лоу, бывший губернатор острова Святой Елены, которого Скотт полагал одним из убийц Наполеона, подразумевая, что тот создал нечеловеческие условия проживания для человека уже больного и ухудшал его моральное состояние мелочными придирками. Во Франции же, наоборот, полагали, что писатель очернил экс-императора, представив его человеком эгоистичным, кровожадным, жаждавшим лишь славы. К тому времени французской публике куда больше нравилась концепция Наполеона-мученика, которая легко распространилась благодаря сочинению генерала Гурго, входившего в свиту бывшего монарха на острове Святой Елены.

Последующие авторы Викторианской эпохи в целом заимствовали оценочный стиль Скотта, склоняясь, однако, к торийской критике Бонапарта. Доходило и до курьезов. Например, М. Берроуз выставлял Наполеона Атиллою и безбожником³. Правда, такой образ, вероятно, был связан с общей концепцией книги, которая гласила, что в Наполеоновских войнах Британия отставала также и интересы англиканской веры, борясь сначала против

³ См.: *Burrows M.* The history of the foreign policy of Great Britain. Edinburgh, 1895.

«безбожной» революционной Франции, а затем и католической Испании в союзе с уже возвратившейся в лоно Римской католической церкви наполеоновской Францией.

В целом для этой эпохи было характерно негативное отношение к личности Наполеона Бонапарта. Более того, английским историкам выгодно было изображать его «мировым злом» и антихристом, подгоняя его образ под роль «всемирного антагониста». Для них Наполеон олицетворял не только вековую соперницу своей страны Францию, но и всю Европу, которой Британия противопоставляла себя в период политики «блестящей изоляции».

Однако с англичанами не соглашались их «заокеанские коллеги», которые, пусть и с опозданием на два десятилетия, стали превозносить экс-императора и восхищаться им. Такая позиция отчасти объяснялась отголосками негативного отношения бывшей колонии к своей метрополии и внутривнутриполитическими разногласиями в самих штатах. Но определяющим фактором было то, что на американцев, в отличие от тех же англичан, не оказывалось давление со стороны централизованной партийной власти, над ними не довлел груз государственной идеологии и решающее значение играло личное предпочтение. Для американцев Наполеон был *self-made men* т. е. человеком, «сотворившим самого себя из ничего», и политиком либеральных взглядов.

В США первопроходцами в изучении наполеоновской биографии стали братья Хэдли. Первый из них, Джоэл Тайлер, автор трудов «Наполеон и его маршалы»⁴, «Выдающиеся маршалы Наполеона, а также жизнь и характер Наполеона Бонапарта»⁵ и «Императорская гвардия Наполеона: от Маренго до Ватерлоо»⁶. Он преданный поклонник гения Наполеона, хотя не всегда был таковым,

⁴ Headley J. T. Napoleon and His Marshals [Electronic resource]. URL: <http://www.napoleonic-literature.com/>

⁵ Headley J. T. The Distinguished Marshals of Napoleon with the Life and Character of Napoleon Bonaparte. N. Y., 1850.

⁶ Headley J. T. The Imperial Guard of Napoleon: from Marengo to Waterloo. [Electronic resource]. URL: http://openlibrary.org/works/OL1115600W/The_Imperial_guard_of_Napoleon.

поскольку первое представление о его личности и эпохе получил, изучая работы английских историков. Но, по его собственным словам, ознакомившись с «Консульством и Империей» Тьера, нейпировской «Полуостровной войной», трудами Жомини, бюллетенями Наполеона, мемуарами Бурьена, Лас-Каза, Коленкура, Сегюра, Раппа, работами Алисона и Саути, изменил свои взгляды.

Обращаясь к читателям, он утверждает, что практически все английские историки, затрагивавшие тему Наполеоновских войн, писали «эссе об ужасах войны с присутствием фигуры главного злодея», на страницах которых обвиняли Наполеона в том, что тот начал опустошительные войны и залил всю Европу кровью. Но, акцентирует внимание Хэдли, ведь не Бонапарт первым начал военные действия, а такие державы, как Австрия, Пруссия, Англия, Испания напали на только что образованную Французскую республику. Поэтому они, являясь виновниками войн, разоривших Европу, просто перекалдывают свою вину на чужие плечи. Наполеон же — спаситель Франции, и все свои военные кампании производил только ради того, чтобы обезопасить Францию от нападений иностранных держав, которым противопоставлял их же политические и военные методы.

Кроме того, по мнению автора, английские историки уродуют сам образ Наполеона, превращая его на страницах своих книг в человека жестокого и эгоистичного, даже умалишенного, не способного контролировать вспышки собственного гнева и проявления темперамента. В подтверждение ими приводятся самые мелкие случаи из его жизни — окрик на неповоротливого слугу, бросок чернильницы в стену в приступе раздражения и т. п. Но почему же, вопрошает Хэдли, они умалчивают обо всем остальном, что было создано его терпением, трудами и гением?

Наконец, одно из сочинений Дж. Хэдли («Наполеон и его маршалы») содержит следующее замечание: «В плане моральной репутации Наполеон был в достаточной степени равнодушен; но, будучи другом свободного человека, был готов содействовать улучшению положения человечества, открыв простор для таланта

и гения, пусть и низких по происхождению, в этом он бесконечно превосходит тех государей, которые пытались сокрушить его»⁷. Все это позволяет нам сделать вывод о том, что этот автор излишне идеализировал императора французов.

Однако с Дж. Хэдли в оценке личности Наполеона Бонапарта не склонен был полностью согласиться его брат Ф. К. Хэдли, священник и автор произведения «Жизнь Наполеона Бонапарта»⁸. С одной стороны, он не отрицал, того, что «Наполеон был велик, интеллектуально возвышаясь над князьями и монархами многих поколений... Ему не было равных в тактике войны... Его воображение руководствовалось разумом... интуиция была ясна, как утренний свет, а скорость присутствовала во всех его действиях». Но при этом Ф. К. Хэдли называл Бонапарта «моральным карликом», который даже в своих «великодушных поступках всегда прославлял себя, стремясь к неоспоримому первенству среди престолов Европы, но не имея высшего достоинства сердечности и чистой филантропии, которые могли бы безопасным образом сохранить ту власть, что оказалась у него в руках».

Тем не менее работы братьев Хэдли были только началом. Эстафету подхватил Дж. С. К. Эббот, автор «Истории Наполеона Бонапарта»⁹ и «Наполеон на Святой Елене, или Интересные анекдоты и замечательные беседы императора в течение пяти с половиной лет его плена»¹⁰.

Эббот восхищается личностью Бонапарта. «Гений Наполеона поражает, — говорит он, — кажется, что со всеми отраслями человеческого знания знаком его ум». Именно поэтому, по его собственному объяснению, он пишет свою книгу «Наполеон на Святой Елене», чтобы познакомить читателя с глубокими мыслями

⁷ Цит. по: *Vance T. J.* The Lost Voices of Napoleonic Historians [Electronic resource]. URL: http://www.napoleonseries.org/research/biographies/c_historians.html.

⁸ *Headley P. C.* The Life of Napoleon Bonaparte. N. Y., 1903.

⁹ *Abbot J. S. C.* The History of Napoleon Bonaparte : 4 vols. N. Y., 1855–1856.

¹⁰ *Abbot J. S. C.* Napoleon at St. Helena, or Interesting Anecdotes and Remarkable Conversations of the Emperor during the Five and a Half Years of His Captivity [Electronic resource]. URL: <http://www.questia.com/rea d/77770055>.

великого человека, в течение долгих лет своего заключения со всей свободой беседовавшего о событиях своей чудесной карьеры, а также о религии, политике, морали — словом, о всех тех вещах, что и по сей день вызывают глубокий интерес людей. В конечном счете, у Эббота та же цель, что и у Хэдли: он хочет оправдать Бонапарта, ибо «его история часто писалась его врагами». Эббот — восторженный биограф Бонапарта, который не скупится на похвалы для этого исторического деятеля.

Иначе оценивает личность Бонапарта в сочинении «Наполеон I: политический и военный обзор»¹¹ историк Дж. К. Роуп. В своей работе он говорит о том, что не стоит умалчивать о безрассудности политики императора в 1813 и 1814 гг., о его безусловной приверженности к поиску решений политических трудностей, возникавших на горизонте империи, на полях сражений, о его равнодушии как военного к тому злу, что неизменно причиняет война, о его забывчивости как солдата к долгу правителя. По мнению Роупа, не стоит отрицать и предавать забвению все эти недостатки его правления, но вместе с тем необходимо быть столь же справедливым в признании его выдающихся качеств — необычайной работоспособности, преданности государственной службе, просвещенности взглядов в сфере управления и судопроизводства, человечности. Роупа нельзя назвать поклонником Бонапарта; скорее, этот историк примеряет на себя роль адвоката.

Еще один достойный упоминания биограф Наполеона уже конца XIX в. У. М. Слоон писал, что «не существует более полного примера человеческой активности», чем пример Бонапарта, человека, в котором естественным образом сосуществовали беспринципность и талант¹². Последний позволял ему в любой ситуации находить «уникальные, оригинальные непревзойденные рецепты» выхода из той или иной ситуации, что было величайшим достижением и основным преимуществом Наполеона перед

¹¹ См.: *Ropes J. C. The First Napoleon: A Sketch, Political & Military.* Boston, 1885.

¹² *Слоон В. М. Новое жизнеописание Наполеона I* : в 2 т. М., 1997.

его противниками. И даже суть его краха Слоон заключил в одно слово — истощение, при котором сам Наполеон «шел по проторенной дороге» и уже не видел необходимости в поиске политических и военных «новинок». В то же время его оппоненты выучили уроки, «которые он преподавал им в течение 20 лет» так, что «учитель стал блекнуть на фоне учеников в успехе и великолепии». Все это в результате и привело Бонапарта к краху, от которого его не смогли спасти даже блестящие дарования, острый ум и дипломатический дар.

Наконец, последний автор в ряду представителей американской традиции XIX в. — И. Тарбелл. Она не являлась профессиональным историком или авторитетным специалистом, но следила за современной литературой на эту тему. В 1894 г. Тарбелл выпустила «Краткую жизнь Наполеона Бонапарта»¹³, в которой фактически проследила всю эволюцию образа Наполеона Бонапарта в работах американских исследователей с самого начала зарождения раздела национальной историографии на эту тему.

С одной стороны, она оценивает Наполеона как величайшего гения своего времени и человека, чья высокая мудрость в государственных делах, рожденная из долгих размышлений и самоанализа, позволила ему познать границу своих прав и обязанностей и не злоупотреблять ими, с таким же уважением относиться к соблюдению прав других людей. Но, по ее мнению, существовала и другая сторона Наполеона как правителя, ибо сильными чертами его натуры были амбициозность и деспотизм, в жертву которым он принес идеи личной свободы, равенства и братства. Вся военная и гражданская система, которую он выстроил, базировалась на принципе сосредоточения власти в его руках. И ради обладания властью Наполеон отстранил народ от управления страной и «пролил в Европе реки крови». Но, опять же, нельзя не признать в нем военного гения, который великолепно задумал и осуществил итальянскую операцию и тем самым спас армию и страну от полного краха, и который потом столь же показательно отличился

¹³ См.: *Tarbell I. M. A Short Life of Napoleon*. N. Y., 1895.

под Аустерлицем, Йеной и Ваграмом. Наконец, он единственный полководец в истории Нового времени, который смог превратить свою армию в мощный, совершенный и действенный механизм, послушный воле своего хозяина.

Подведем итоги процесса эволюции образа Наполеона Бонапарта в британской и американской историографической традиции XIX в. Прежде всего стоит отметить параллельное развитие традиций, их непересекающееся замкнутое сосуществование, отсюда и максималистский поход к воссозданию образа конкретной исторической личности. Так, для англичан Бонапарт весь этот период оставался «злым гением» эпохи, антагонистом, символом хаоса, революции и войны. Американцы же в меньшей степени «стенали над кровью, пролитой деспотом в Европе», предпочитая уподоблять «деспота» античному герою и богу Олимпа, снисходительно относясь к его слабостям и недостаткам, признавая в нем прежде всего величайшего полководца и административного деятеля.

Пожалуй, только в одном сошлись англоязычные авторы — в том, что появление Наполеона Бонапарта на международной арене было не иначе как знаком свыше. Он был необходим на своем месте в свое время. И выполнил свое предназначение до конца.

Впрочем, с нашей точки зрения, лучше всего о Наполеоне Бонапарте как полководце, политике, государе и личности высказался историк середины XX в. Дж. Г. Эндрюс. Потому именно его словами об императоре мы подытожим данную статью: «Его биография продолжительна, и в ней есть много помарок, фальсификаций и неясных отрывков. Но пока великие военные подвиги волнуют воображение людей и имена героев выгравированы в зале славы, пока великие достижения администрирования и управления государством облегчают бремя человечества, пока гений грандиозно рискует — и терпит неудачу, чтобы поднять сознание человека до неопикуемых высот — Наполеон будет достоин своей страницы в анналах истории».